

Социальный анализ в книге Мачке опирается, как правило, лишь на выборочные данные, на «метод примеров». Было бы желательно от анализа примеров перейти к опытам статистического обследования там, где это возможно, т. е., к примеру, при изучении состава господствующего класса. Было бы плодотворным, далее, выяснить те принципы социальной стратификации, какими пользовались сами византийцы: это может дать иногда неожиданные результаты. Следовало бы шире учитывать силу традиции, сломать которую подчас не позволяли даже социальные интересы влиятельных групп: это относится в первую очередь к консервативной византийской государственности, коренным образом отличной от западной сословной монархии. Наконец, было бы важно проследить, как отразилась социальная структура общества на структуре церкви и монашества (известно, например, что в XII в. высшее духовенство почти не рекрутировалось из аристократической элиты), а социальная борьба — на идеологической (краткие замечания Мачке об отношении разных слоев к паламизму не исчерпывают проблемы).

Однако все это — темы для серии исследовательских работ.

А. К.

B. Krekić. Dubrovnik in the 14th and 15th Centuries: a City between East and West.
Norman, University of Oklahoma Press, 1972

Бариша Крекич посвятил свою новую книгу (третью после «Dubrovnik i Levant (1280—1460)», 1956 и «Dubrovnik (Raguse) et le Levant au Moyen Age», 1961) общей характеристике жизни города в XIV—XV вв. Именно жизни, а не истории. Налицо очерк природных условий, в которых создавался город, коммунального строительства, борьбы горожан с эпидемиями, интеллектуальной жизни Дубровника, книжной и художественной культуры и городского быта, и только в первой главе эскизно очерчена история первых веков существования коммуны. Книга предназначена для западного читателя, который недостаточно знаком с историей Дубровницкой республики, к нему и обращен подзаголовок — «Город между Востоком и Западом». Ради популярности изложения снят и научный аппарат.

Автор начинает с первых проявлений политической независимости Дубровника от Византии, когда горожане в 1081—1085 гг. поддержали норманнов в борьбе с империей, с ранних актов коммерческой самостоятельности — серии договоров, заключенных с итальянскими городами в 1148—1211 гг. С 1186 г. коммуна вступает в договорные отношения и со своими континентальными соседями (с Сербией): кстати, в договоре с Боснией 1189 г. слово «Рагуза» впервые заменяется именем «Дубровник». Переход под венецианскую супрематию 1205 г., по мнению Б. Крекича, дал Дубровнику значительные выгоды: возможность приглашать специалистов из Венеции, активная связь с венецианским судоходством. Отношения же с Сербией в XIII в. портятся, в 1252 г. дело доходит до открытой войны, однако со второй половины столетия дубровчане приобретают стимул к сохранению добрых отношений с балканскими государствами: в Сербии, а с 1330 г. и в Боснии начинается разработка рудных месторождений. Скоро они становятся основными поставщиками металлов на европейский рынок. В XIII — начале XIV в. дубровницкая торговая политика все больше ориентируется на Балканы, тем более что венецианцы активно оттесняют город от морских операций¹.

Во второй главе автор пишет о тесных связях Дубровника с остальными далматинскими городами, о связях с Балканами, откуда идет приток новопоселенцев, о полосе дружбы в отношениях с Сербским государством, пришедшей на смену «сербской экспансии» при Милутине и Стефане Дечанском. Добрые отношения поддерживаются в течение всего царствования Стефана Душана. Отмечается значительная роль эмигрантов из итальянских городов (не только венецианцев, но и флорентийцев), греков, албанцев, левантийцев и — с конца XV в. — выходцев из Испании и Португалии. Автор привлекает проблема формирования патрициата, но он преувеличивает его численность, считывая в составе патрицианских семей (в середине XV в.) ок. 1100 чел. (при общей численности городского населения в 5—6 тыс. жителей). Впрочем, он не ошибается, указывая на то, что это была по преимуществу земельная аристократия. Б. Крекич верно отмечает значительный вес крестьянского населения в составе горожан, назревание новых форм зависимости в деревне после «Черной смерти» 1347—1348 гг. и сохранение элементов рабства.

Возникновение патрицианской администрации в Дубровнике, по мнению автора, относится ко второй половине XIII в., а по отношению к XIV в. он считает возможным

¹ Эту же мысль развивает и Й. Лучич в серии статей о морской торговле Дубровника в XIII в. (см. «Pomorski zbornik», br. 4. Zagreb, 1966; br. 5, 1967; br. 6, 1968; br. 7, 1969; br. 8, 1970).

говорить уже о «патрицианской демократии». Именно патрициат заключает в 1358 г. договор с Венгрией, положивший конец венецианскому господству над городом. Проникновение турок на Балканы во второй половине XIV в. не мешает развертыванию коммерческой деятельности дубровницких купцов в Боснии и усилению морской активности Дубровника в последней четверти этого столетия. Приход турок застаёт дубровчан глубоко вклинившимся в сербскую государственную систему (в качестве финансистов, дипломатов, чиновников) и городскую жизнь — в роли колонистов на рудниках (стр. 51—52). Экономический рост Дубровника идет параллельно с его политическим усилением — с начала XV в. он именуется уже не «коммуной», а «республикой».

III глава значительно более специальна — она посвящена градостроительству. Автор описывает застройку самой древней части (*sexterium*) города, позднее возводятся *Castellum*. В XII в. город интенсивно заселяют славяне, отстраивается предместье — *burgus*, происходит организация новых *sexteria* и, как следствие, возведение еще одного пояса стен (во второй половине XIII в.). Затем горожане засыпают старый ров, включая его в черту города и превращая в главную улицу — Плачу. В 1329 г. закладывается арсенал (верфь), в середине XV в. пояс стен достигает его окончательной длины — 2160 м, в годы турецкого завоевания он станет почти единственной защитой города. Автор делает интересные наблюдения по поводу жилого строительства: первые здания возводятся из камня и извести, затем — из дерева, и только после пожара 1408 г. происходит переход к каменному строительству.

Любопытная подробность: автор посвящает целую главу дубровницкому здравоохранению (гл. IV, стр. 90—111): находясь на стыке оживленных торговых путей, город должен был принять ряд мер по защите от эпидемий. Й. Тадич как-то заметил, что «благодаря усилиям своих граждан Дубровник достиг выдающегося положения в области гигиены». Видимо, так и было, если проказа, бывшая грозой средневековых городов, в дубровницких документах уже не упоминается к началу XVI в. Город содержит на жаловании врачей, обязанных бесплатно лечить коренных жителей (но не чужеземцев!); многие из них прибыли из Италии, а некоторые отправляются и далее — в Сербию. Для Б. Крекича это еще одно доказательство связующей роли Дубровника на путях между Востоком и Западом. К числу лекарей автор не забывает отнести и пирюльников, напоминая тем самым, что в портовых городах Далмации роль брэдобреев всегда была значительна (отсюда и гипертрофия этого вида ремесла в городских актах). Город часто посещала чума, во время «Черной смерти» 1348 г. на территории республики, где проживало 25 тыс. чел., умерло 6 тыс., в 1377 г. здесь создается карантин. Нужно было найти защиту и от малярии, и в 1407 г. в городе начинается мошение улиц, а сточные воды направляются в море. Важно, что автор уделил внимание и характеристике стола дубровчан — подвозу зерновых из Италии, Албании, Греции, выращиванию спаржи и капусты в окрестностях города, импорту дорогих вин (мальвазии).

Двумя моментами датирует Б. Крекич поворот в развитии городского делопроизводства — фиксацией статута 1272 г. и началом хранения городских документов ок. 1278 г. (гл. V. «Интеллектуальная жизнь и культура», стр. 112—144). Эта жизнь в этническом отношении была достаточно сложна — итальянский был здесь языком коммерческих связей, часть населения говорила на романском диалекте (его дубровницком варианте), но уже с первой половины XIII в. в городе действует канцелярия, изготавливающая документы на славянском языке, а на рубеже XIII и XIV вв. городских глашатаев обязывают делать объявления и на латинском, и на славянском языках.

В 1433 г. в городе создается школа, которую автор считает возможным назвать «высшей», и возникает ученая элита, которая позднее будет питать гуманистическую образованность в республике. По мнению Б. Крекича, она опирается на итальянские и славянские основы — автор снова возвращается к идее сочетания «западного» и «восточного». Интересна характеристика выдающихся деятелей дубровницкой культуры — богослова Ивана Стойковича, теоретика коммерческого дела Бенко Котрулевича, астронома Ивана Газулича, оставившего замечательную библиотеку в дар городу. К XV в. относятся деятельность поэтов, писавших на славянском языке: Шишко Менчетича, Дьоре Држича; в это же время работают историки Филипп де Диверсис и Юниус Растич. Жаль только, что их характеристика в книге предельно кратка, так же, впрочем, как и строки, посвященные мастерам дубровницкой живописи и скульптуры. Автор не обходит вниманием и взаимоотношения добрых католиков-дубровчан с православной церковью и их стремление помешать католической церкви подчинить себе всю жизнь города (нельзя ли здесь найти параллели с венецианской политической относително веротерпимости?).

Книга завершается главой о городском быте («повседневной жизни»), воссоздающей средиземноморский облик о города, с его многоязычием, шумной гаванью, обилием купечества. Читатель знакомится с одеждой и украшением, мебелью, убранством домов, тавернами и лавками, с ролью женщины в семье и общественной жизни, с перепиской и книгами. Автор даже пытается определить систему духовных ценностей, впрочем, с достаточно скромным результатом («в каждом патриции существовала двойная личность: политик и купец») (стр. 155—156).

Б. Крекич намеренно не довел своего изложения до времени расцвета республики, т. е. до XVI в. Но данная им характеристика достаточно выразительна — автор удачно выбрал самые важные стороны жизни республики и написал полнокровный и яркий очерк. Непонятно лишь, почему в нем так не повезло социальной истории: нет ни среза общественных отношений на едином хронологическом уровне, ни их развития. Отказался автор и от описания системы обложения в Дубровнике, а жаль — она дала бы хоть какой-то материал для суждения о характере эксплуатации в этом далматинском городе.

М. М. Фрейденберг

Grégoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragédie.
Introduction, texte critique, traduction, notes et index de A. Tuilier.
Paris, 1969, p. 364 (Sources chrétiennes, № 149).

Издаваемое А. Тюлье сочинение было опубликовано впервые в 1542 г. Оно переиздавалось неоднократно, и еще в 1846 г. Ф. Дюбнер выпустил в свет критическое издание трагедии о страстях Христовых¹. Внимание к этому памятнику закономерно, ибо трагедия — уникальное явление в византийской литературе. Византия практически не знала театра, драма была чужда византийскому художественному творчеству, и появление драматического произведения, даже не рассчитанного на сценическое воспроизведение, весьма симптоматично. Что перед нами — механическое подражание античным образцам (тезис, который как будто бы подтверждается обильным заимствованием стихов из трагедий Еврипида) или же попытка приспособить античный жанр к новым эстетическим принципам²?

Тюлье издал греческий текст трагедии с французским переводом и комментарием. Для издания им использованы 24 рукописи от XIII до середины XVI в. Он разделяет их на две «семьи». Первая представлена по сути дела одним манускриптом (Paris. 2875), датируемым второй половиной XIII в. и содержащим лучший текст (стр. 78, 82). Его копией является поздняя рукопись Монас. 154 (середина XVI в.), значение которой состоит лишь в том, что она сохранила первоначальное надписание трагедии, уничтоженное в ее оригинале (стр. 31 и сл., 80 и сл.).

Вторая семья в свою очередь распадается на две группы. Первая опять-таки представлена одной рукописью (Paris. 2707), переписанной Михаилом Синадином к 1301 г. (стр. 83 и сл.), тогда как вторая восходит к утерянному манускрипту, который Тюлье обозначает сиглом γ и ориентировочно датирует XII в. (стр. 85). Редакция γ представлена большим числом списков XIV—XVI вв., объединяемых в несколько подгрупп.

Эта классификация рукописей имеет существенное значение для понимания общих закономерностей византийской кодикологии. Лучшая рукопись (являющаяся к тому же древнейшей) стоит особняком от основной массы сохранившихся манускриптов. По-видимому, такое явление не приходится считать исключительным: мне кажется, например, что рукописная традиция «Гимнов» Симеона Богослова обнаруживает ту же картину³.

Изучение рукописной традиции позволило Тюлье, в частности, установить, что традиционное название трагедии «Христос страждущий» (*Χριστός πάσχων*) не восходит к архетипу или к древнейшим манускриптам: оно появляется только в ватиканских списках (Vatic. 2261 и 2275), скопированных незадолго до 1540 г. и послуживших наборным оригиналом для первого издания (стр. 115).

Атрибуция трагедии и время ее написания долгое время были предметом дискуссии. Ее относили то к IV в., то к XII в., и среди ее возможных авторов называли Аполлинария Лаодикийского⁴, Константина Манасси, Феодора Продрома, Иоанна Цепа. Тюлье подробно разбирает этот вопрос и утверждает с большой категоричностью, что автором трагедии был Григорий Назианзский или Богослов. Суть его аргументации сводится к следующему.

¹ F. Dübner. *Christus patiens, Ezechieli et christianorum poetarum reliquiae dramatizae*. Parisiis, 1846 (как приложение к *Fragmenta Euripidis*, ed. F. G. Wagner). На стр. 16 Тюлье ошибочно относит это издание к 1848 г.

² Об эстетических принципах трагедии см. С. С. Аверинцев. Попытка обновления формы античной трагедии в византийской литературе. — «VII Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 99 и сл. Работа Аверинцева издателю не известна, да и вообще проблем эстетического значения трагедии Тюлье не затрагивает. См. о ней теперь: С. С. Аверинцев. На перекрестке литературных традиций. — «Вопросы литературы», 1973, № 2, стр. 154 и сл.

³ См. рецензию на издание «Гимнов», подготовленное И. Кодером (ВВ, 34, 1973)

⁴ Эту точку зрения, в частности, развивал К. Катауделла еще в 1969 г. См. Q. Cataudella. *Cronologia e attribuzione del Christus patiens*. — «Atti del III Congresso Internazionale di studi sul dramma antico, 22—24 maggio 1969». Roma, Siracusi, s. d.